

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ
РЕСПУБЛИКА!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 30 К. И НА СТ. 35 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР. 35 К.

1
306
1917
НОВЫЙ

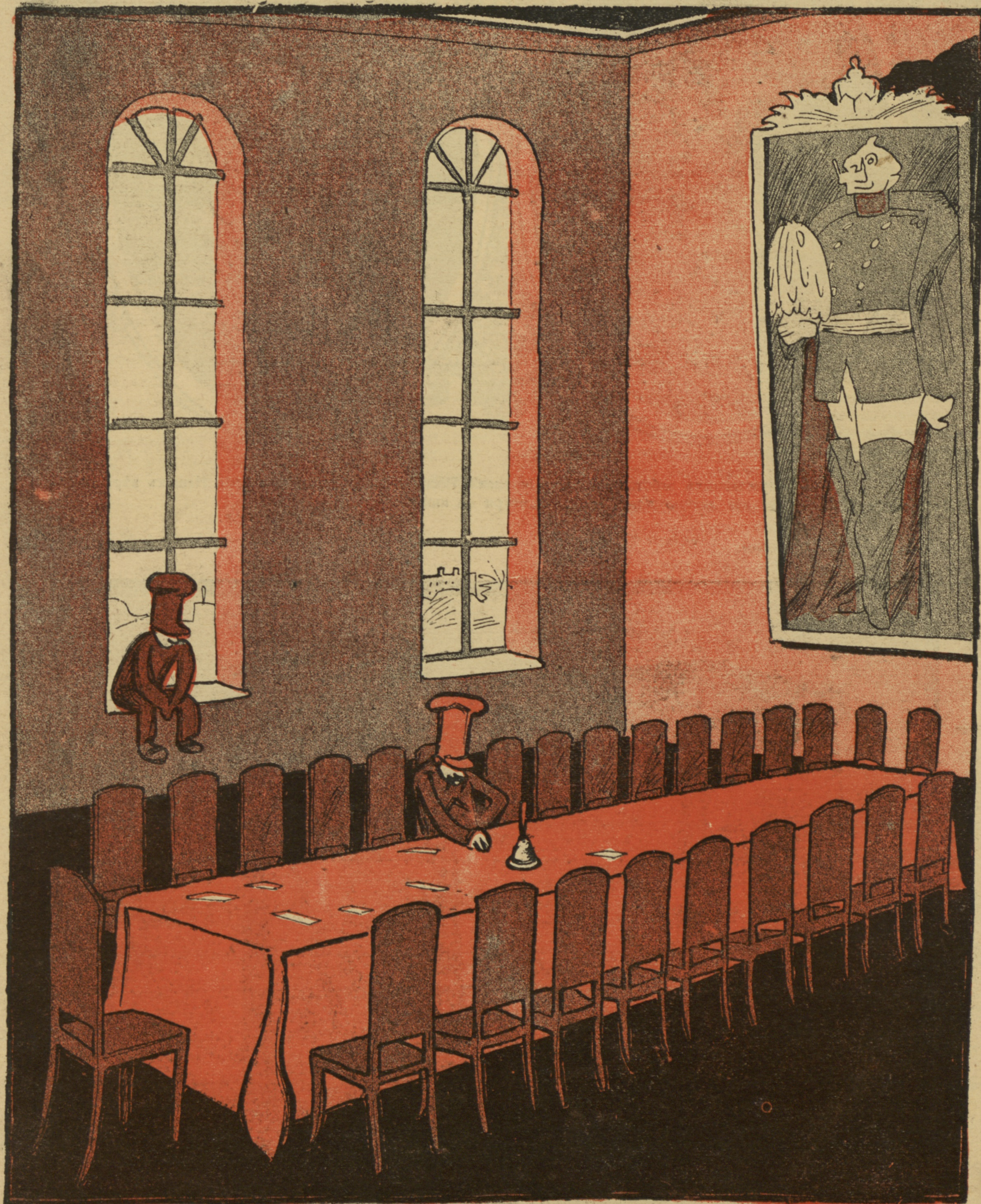
САТИРИКОН

№ 15

АПРѢЛЬ 1917

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Рис. Ре-ми.

„При одномъ воздержавшемся, съѣздъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ единогласно рѣшилъ потребовать у Вильгельма немедленнаго заключенія мира“.

Изъ газетъ.

... Въ непрестанныхъ заботахъ о благѣ населенія Россійской Имперіи и о счастіи Нашихъ вѣрноподданныхъ... (отрывокъ изъ любого манифеста). Смотри — ниже:

Орудія, найденныя въ одномъ изъ бывшихъ полицейскихъ застѣнковъ — для выворачиванія пальцевъ, для расширенія ранъ и для разрыванія барабанной перепонки при особо важныхъ для государственныхъ цѣлей допросахъ.

ВЕСЕННЕЕ.

Что-то лопнуло въ природѣ,
Шумъ, и гамъ, и дребедень.
Гражданиномъ при свободѣ
Я сегодня на народѣ
Встрѣтилъ первый вешній день!
Но я помню слишкомъ много
Растравилъ мнѣ іодъ десну —
Тѣни чернаго былого
Отравляютъ мнѣ весну...
Шелкъ распутицы щекочетъ
Сердце бредитъ, какъ во снѣ,
Но забыться умъ не хочетъ,
И... Распутинъ мнится мнѣ...
Солнце... солнце... Возлѣ парка
Барки сбились въ длинный строй,
И нѣмецкій профиль Барка
Съ новымъ займомъ виденъ ярко,
Гдѣ торчалъ городской.
Въ церкви (думалъ здѣсь укрыться),
Что-то ноетъ протопопъ.
Прото-по-повъ!.. И молиться
Нѣтъ ужъ силъ... Въ поту весь лобъ.
Вотъ платежъ по старымъ счетамъ:
Съ крыши скалываютъ ледъ,
А бѣжишь, какъ мышъ, къ воротамъ,
Слыша дробный пулеметь!
Тамъ везутъ куда-то балки,
Сговорились, что ли всѣ?
И возвращаюсь я безъ палки,
Словно бѣлка въ колесѣ...

Нервы — нервы, а не сталь же,
Съ «той» ордой я чуждъ былъ сну.
Уберите жъ ихъ подальше,
Чтобъ спасти мою весну!

Сергѣй Михѣевъ.

ТОВАРИЩЪ МОРТИРА.

Смотрѣлъ онъ исподлобья. Взглядъ у него былъ тяжелый, жуткій, повергающій въ какое-то уныніе и страхъ.

Улыбался онъ рѣдко, но когда улыбался, то улыбка была ехидная, презрительная.

Познакомился я съ нимъ въ 1905 году на митингъ въ университетѣ.

Говорили юные студентики, вчерашніе гимназисты. Говорили горячо и смѣло.

Выступилъ какой-то вольноопредѣляющійся, который говорилъ отъ имени арміи. Онъ началъ:

— Товарищи солдаты!

При этомъ всѣ заулыбались, такъ какъ въ аудиторіи ни одного солдата не было.

— Товарищи солдаты! — продолжалъ вольноопредѣляющійся, — намъ необходимо объединиться противъ тирана. Долгъ солдата...

Студенты слушали и улыбались.

— Какого онъ полка? — спросилъ я знакомаго студента.

— Нашего...

— Какого вашего?

— Студенческаго... Филологъ.

— Къ чему же этотъ маскарадъ?

— Да Богъ его вѣдаетъ. Фантазеръ. А парень вѣрный и честный.

Послѣ «вольноопредѣляющагося» еще много выступало ораторовъ.

Но вотъ по аудиторіи прошелъ шопоть:

— Будетъ говорить Мортира.

— Кто?

— Товарищъ Мортира.

— Тотъ самый?

— Тотъ самый, знаменитый.

Товарищъ Мортира обвелъ залъ своимъ тяжелымъ, свинцовымъ взглядомъ и началъ:

— Намъ надо съ оружіемъ въ рукахъ выйти на площадь. Намъ надо...

Онъ говорилъ такія слова, что волосы у всѣхъ становились дыбомъ. Было страшно...

Послѣ рѣчи всѣ бросились къ нему, подняли и стали качать.

Дня черезъ три мнѣ сообщили шопотомъ:

— Арестовали...

— Кого?

— Всѣхъ ораторовъ, что говорили на сходкѣ...

— А Мортира?

— Къ великому счастью для революціи успѣлъ скрыться. Почти изъ рукъ выскользнулъ. Слава Богу!

— Слава Богу! Арестъ Мортиры — слишкомъ большой ударъ для революціи.

Больше я товарища Мортиры не видалъ, но читать о немъ мнѣ приходилось часто.

Однажды, когда я пришелъ въ редакцію, мнѣ сообщили:

— Читали про убійство?..

Назвали мнѣ при этомъ имя одного виднаго сановника.

— Не читалъ.

— Бомбу бросили въ карету.

И мнѣ стали рассказывать, какъ былъ убитъ сановникъ.

Это было безумное по своей смѣлости предпріятіе. Въ убійствѣ принимали участіе пять человѣкъ.

Двое бросали бомбы. Оба они были убиты.

Двое стояли на стражѣ, на случай неудачи. У нихъ были запасныя бомбы.

Ихъ арестовали.

— Спасся, — рассказывали мнѣ, — только одинъ. Это былъ главный руководитель. Знаете, кто это былъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Это былъ самъ Мортира.

— И онъ убѣжалъ?

— Убѣжалъ. Только «мелочь» попадаетъ въ руки царской полиціи. Крупная дичь спасается.

«Мелочь» вскорѣ повезли на Лисій Носъ и повѣсили...

Мортирѣ же удалось перебраться черезъ границу.

Но недолго тамъ сидѣлъ безпокойный Мортира.

Въ одинъ скверный, тяжелый для русской революціи день онъ вернулся въ Россію и... попался въ руки жандармовъ.

Когда получилась объ арестѣ его телеграмма, всѣ приуныли. Съ грустью говорили между собой:

— Удалось, наконецъ, мерзавцамъ поймать Мортиру.

— Радуются, вѣроятно, подлецы!

— Еще бы не радоваться! Такой китъ! Они нанесли революціи ударъ въ самое сердце.

— Можетъ быть еще удасться ему убѣжать.

— Убѣжать?! Не думаю. Воображаю, какъ будутъ его охранять.

А черезъ нѣсколько дней мы прочитали въ газетахъ:

«Извѣстный революціонеръ Мортира, обманувъ бдительность конвойныхъ, бѣжалъ съ пути...»

Потомъ мы узнали подробности бѣгства. Это было нѣчто феерическое. Бѣгство Мортиры напоминало лучшія страницы Майнъ-Рида.

Онъ соскочилъ съ поѣзда на полномъ ходу. Конвойный схватилъ его за руку, но сильнымъ ударомъ кулака былъ сброшенъ внизъ.

Другой конвойный схватилъ винтовку, но Мортира вырвалъ у него винтовку изъ рукъ и вмѣстѣ съ ней соскочилъ съ площадки.

Въ ближайшей деревнѣ онъ переодѣлся въ крестьянское платье, въ которомъ добрался до города, гдѣ жили его друзья.

Черезъ границу онъ переѣхалъ въ костюмѣ жандармскаго полковника...

Въ Россію онъ больше не пріѣзжалъ.

Но вѣсти о немъ часто доходили до насъ. Онъ не переставалъ энергично работать на пользу революціи.

Мортира читалъ лекціи. Потомъ мемуары. Устраивалъ митинги среди русской молодежи въ Парижѣ.

Велъ пропаганду въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Германіи.

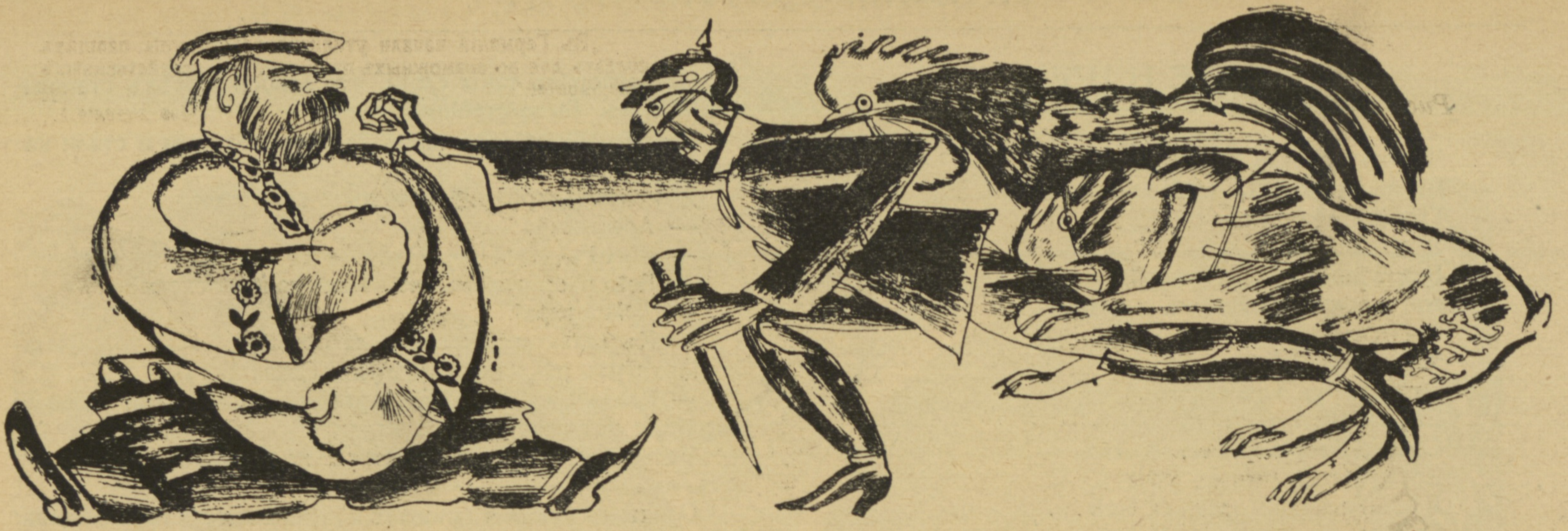
Гдѣ только ни произносилось слово революція, тамъ былъ Мортира.

Имя его не сходило съ газетныхъ столбцовъ.

На-дняхъ имя товарища Мортиры я снова встрѣтилъ въ газетахъ.

Оно было напечатано въ... списокѣ провокаторовъ.

Приводилась характеристика его въ книгахъ охраны. Характеристика была проста, кратка и ясна:
 «Мортира. Кличка. Служилъ въ охранномъ съ 1904 г. Освѣдомитель и провокаторъ. Жалованья 200 рублей. Очень цѣнный сотрудникъ. Придется прибавить пятьдесятъ рублей». «Двѣсти рублей жалованья...»
 При царскомъ режимѣ даже провокаторовъ эксплуатировали...

О. Л. Д'Орь.

КОНЕЦЪ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ.

Ихъ было трое. Пламенныхъ, жестокихъ и рѣшительныхъ. Предсѣдатель — семнадцатилѣтній гимназистъ Вася Бутылкинъ, такъ и говорилъ: «Мужчина долженъ быть лысымъ и рѣшительнымъ». Первая часть этой программы — максимумъ не могла быть исполнена по причинамъ не отъ него зависящимъ, и онъ всецѣло остановился на второй.

Ихъ было трое. Трое рѣшительныхъ, мрачныхъ и жестокихъ. Вася считалъ себя похожимъ на Робеспьера. Технологъ Грицко увѣрялъ всѣхъ знакомыхъ курсистокъ, что у него такой же черепной уголь, какъ у Марата. Аптекарскій помощникъ Брухесъ авторитетно сравнивалъ себя съ Бланки.

Ихъ было трое. Непримиримыхъ, рѣшительныхъ и смѣлыхъ.

— Объявляю засѣданіе открытымъ. Въ порядкѣ дня стоитъ обсужденіе вопроса о буржуазной печати и закрытіи всѣхъ контр-революціонныхъ газетъ. Первымъ ораторомъ записался товарищъ Грицко. Пожалуйста.

— Товарищи! Граждане! Насталъ моментъ, когда мы должны дѣйствовать рѣшительно...

— Рѣшительно! — хоромъ подтвердили двое остальныхъ.

— Буржуазная печать ведетъ коварную мину. Мы должны во-время впустить контр-мину и моритузировать капиталистическую прессу. Я предлагаю обсуждать ее по отдѣльнымъ органамъ.

— Правильно!.. Вѣрно!..

— Прежде всего газета «Рѣчь». Это буржуй. У нея жирное тѣло, и если подвергнете это тѣло спектральному анализу, вы увидите, что этотъ жиръ — нашъ жиръ.

— Нашъ! Нашъ!

— Газета «Рѣчь» должна быть немедленно закрыта, редакторъ высланъ, сотрудники отправлены на фронтъ вмѣстѣ съ полицейскими командами. Вопросъ о Милюковѣ и о примѣненіи къ нему ординарнаго или двойного четвергованія будетъ переданъ въ особую комиссію. Принято? Затѣмъ, «Русская Воля». Ее предлагаю немедленно закрыть, а Амфитеатрова подвергнуть личному задержанію, безъ замѣны...

— Позвольте, товарищъ. Вѣдь онъ, кажется, когда-то...

— Ерунда! Амфитеатровъ — буржуй! Посмотрите на его тѣло, — это наше тѣло...

— Наше!.. Наше!

— Онъ агентъ контр-революціи. Знаемъ мы эти штучки. Сегодня «Господа Обмановы», завтра «Красное Знамя», а послѣзавтра...

— Вѣрно!

— «Новое Время» подлежитъ тѣлесному наказанію.

— То-есть какъ?.. Вѣдь это газета?.. Это не чело-
вѣкъ... У газеты нѣтъ даже такого мѣста, по которому

— Все равно! Тѣлесному наказанію можно подвергнуть машины, наборъ, контору, бухгалтера, вывѣски, а изъ сотрудниковъ каждаго черезъ десятого...

— Меньшикова внѣ очереди, товарищъ!

— Нѣтъ, товарищи. Равенство, такъ равенство. Если Меньшиковъ будетъ десятымъ, тогда можно, а если нѣтъ — нельзя. «Биржевыя Вѣдомости», «Вечернее Время» и «День» предать сожженію. Плехановское «Единство» закрыть...

— А прочія? «Копѣйку»? «Вѣстникъ Европы»? «Журналъ для хозяекъ»? «День»? «Русскія Записки»?

— Сжечь, или лучше всего оккупировать.

— Нѣтъ, товарищъ не оккупировать, а аннексировать.

— Нѣтъ, не аннексировать, а реквизиловать.

— Принято единогласно!

Ихъ было трое. Трое спокойныхъ, жестокихъ и мрачныхъ. Они рѣшили, — и въ апрѣлѣ 1917 года навсегда прекратила свое существованіе гнусная, подлая буржуазная печать. Капиталистическая пресса, готовившая контр-революцію умерла.

Хорошій былъ чело-вѣкъ покойникъ...

Бор. Мирскій.

Д В Ъ В Е С Н Ы.

I.

Свѣтлая, новая
 Вѣточка сосновая,
 Сердце зелена,
 Поцѣлуй меня.

* * *

Нѣжныя иголки,
 А межъ ними щелочки —
 Въ небо, въ глубину,
 Въ самую весну.

* * *

Небо ярко пѣнится,
 Всюду новь, цвѣтеньице,
 Пчелы понесли,
 Первый сокъ земли.

II.

Пляшутъ, пляшутъ гадюки
 Въ залепанномъ садикѣ.
 Сыро и тепло,
 И блещитъ стекло.

* * *

Тли туберкулезныя,
 Холерныя, тифозныя,
 Радуются мнѣ
 И моей веснѣ.

* * *

Сердце Богу молится,
 Солнце въ лужахъ колется.
 Звонкокъ песій лай,
 Радостень трамвай.

Александръ Рославлевъ.

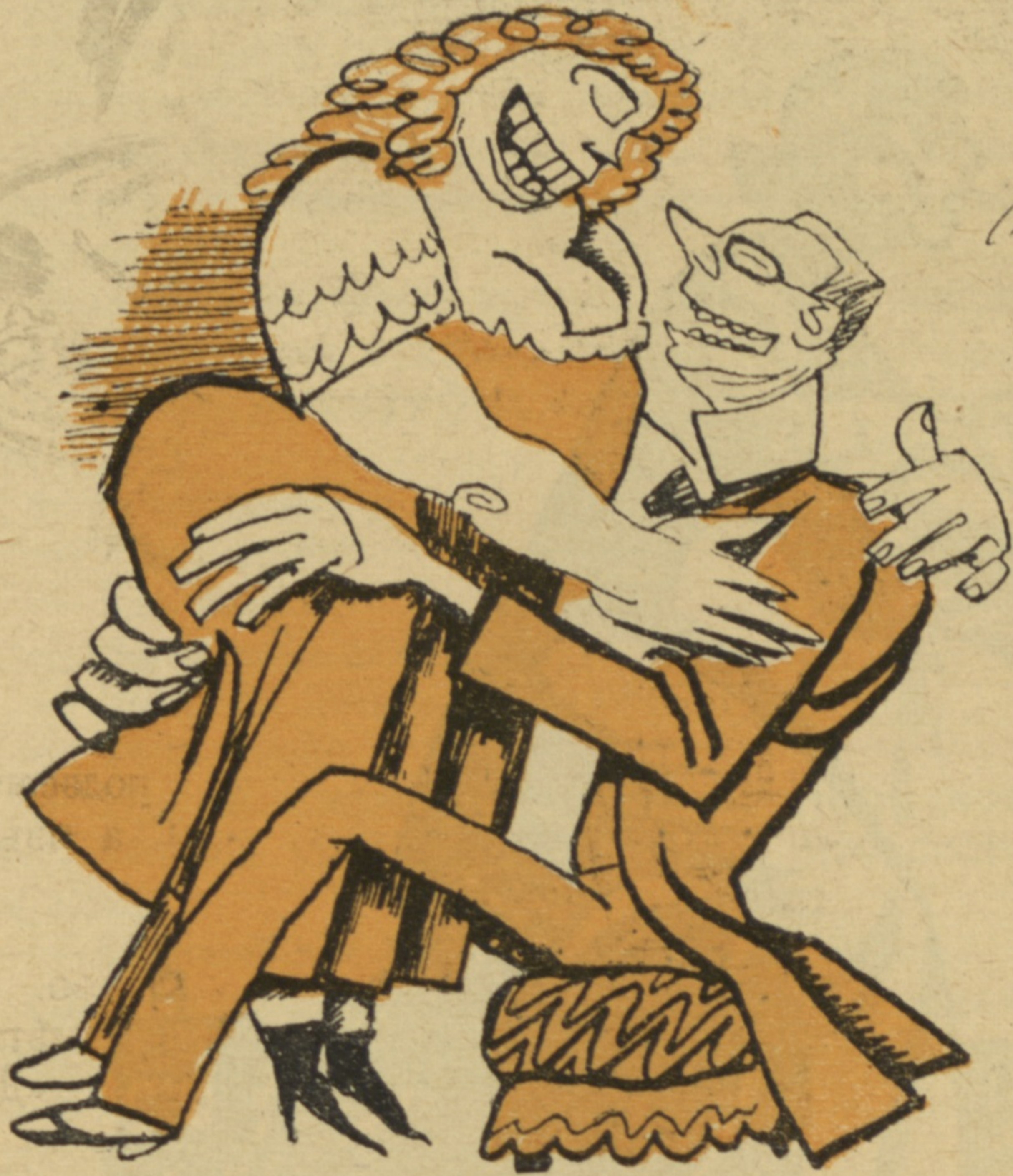

УТИЛИЗАЦІЯ — МАТЬ БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

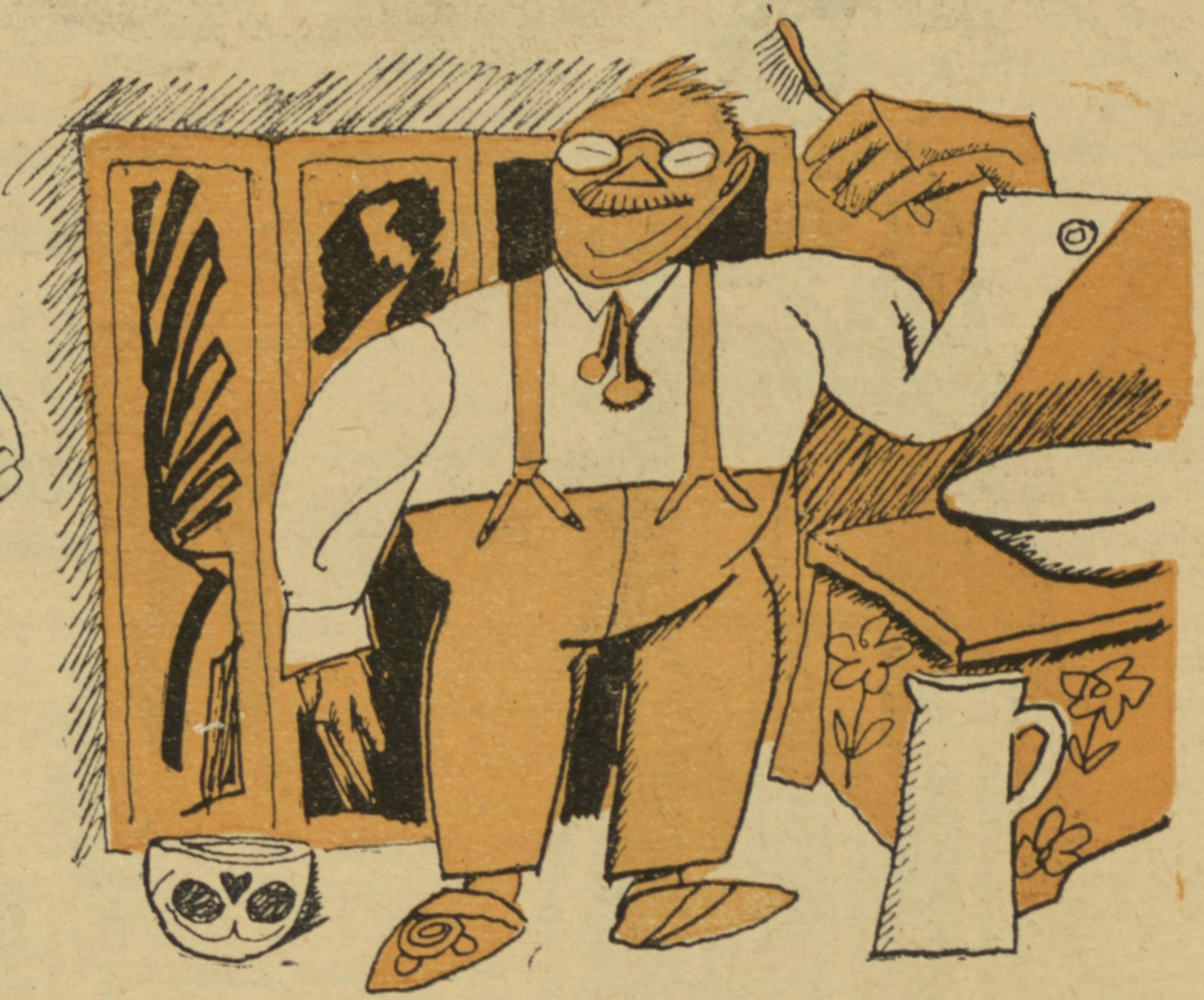
„Въ Германіи начали утилизовать группы павшихъ солдатъ для всевозможныхъ препаратовъ и хозяйственныхъ надобностей“.

Рис. А. Радакова.

(Изъ газетъ.)

Зубы бывшего весельчака Фрица могутъ великолѣпно украсить розовый ротикъ нѣжной Минны.

Изъ костей бывшего Шварца получаютъ, въ концѣ концовъ, прекрасныя костяныя издѣлія.

Волось одного взвода совершенно достаточно для шелковой будуарной подушки.

Но кожа баварскаго лейтенанта для переплета — рѣшительно ничѣмъ не замѣнима.

„Во время передвиженія по Бельгii, нѣмцы оставляли за собой много дѣтскихъ игрушекъ, начиненныхъ взрывчатыми веществами“.
(Изъ хроники.)

— Оставь свои причитанія! Это мнѣ необходимо для того, чтобы и въ будущемъ ваши дѣти не могли поднять на насъ руку...

MADE IN GERMANY.

(Последнія нѣмецкія изобрѣтенія.)

I.

Нѣмецкія агенты пытались переправить черезъ Швецію въ Россію партію карандашей, дерево которыхъ было пропитано особымъ взрывчатымъ составомъ, а въ графитѣ устроенъ незамѣтный для глаза тонкій каналъ, наполненный химической жидкостью. При чинкѣ карандаша, эта жидкость попадала на карандашное дерево и производила взрывъ.

II.

При отступленіи изъ занятыхъ бельгійскихъ мѣстностей нѣмцы оставляли по пути отступленія дѣтскія игрушки, которыя при малѣйшемъ прикосновеніи взрывались въ дѣтскихъ рукахъ.

III.

Но самое остроумное нѣмецкое изобрѣтеніе, превзошедшее и карандаши и игрушки, — было продемонстрировано на пасхальной недѣлѣ.

Вотъ его рецептъ и сущность:

Берется одинъ пассажирскій вагонъ. Въ Швейцаріи отыскивается какой-нибудь большевикъ Ленинъ, мечта котораго — немедленное заключеніе сепаратнаго мира съ Германией и гражданская война внутри Россіи. Большевика этого нѣмцы засовываютъ въ вагонъ, вагонъ запломбировываютъ и подвозятъ къ границѣ. Послѣ этого пломба снимается, Ленинъ выльзаетъ изъ вагона и начинаетъ «дѣйствовать». Дѣйствіе — см. изобрѣтеніе № 1.

Медуза-Горгона.

ШЕЛКОВАЯ МОНТАНЬЯРКА.

Мнѣ дорогъ алый цвѣтъ момента,
Я крашу имъ изломы строкъ,
Мой тамбуринъ весь въ красныхъ лентахъ,
И жгучъ румянецъ смуглыхъ щекъ.
Багряный шелкъ чулокъ и платья
Къ свободнымъ радостямъ готовъ,

И алый блескъ призывныхъ словъ.
Тому, кто смѣлъ — хочу отдать я.
Тебя любить, свободы сынъ,
Ласкать тебя я не устану,
Но, знай: не можетъ, гражданинъ,
Стать суффражисткою — гитана!

Лидія Лѣсная.

ПРИТЧА ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНТѢ ЛУЩИХИНѢ.

I.

Въ 1908 году присяжнаго повѣреннаго Лущикина арестовали въ городѣ Тюмени за злостную полугодовую подписку на «Рѣчь» и привели къ жандармскому полковнику.

— Лущикинъ?

— Лущикинъ.

— Что же это вы? Кончаете свои университеты, учитесь разному, въ воротничкахъ ходите, а потомъ среди бѣлаго дня начинаете либеральную газету выписывать? Такъ, что ли?

— Такъ... Только я думалъ...

— Ахъ, вы еще думали? Сидуховъ! Отведи господина... Лущикинъ былъ маленькій, щуплый въ большихъ очкахъ и робкій, робкій.

Сидя въ одиночкѣ, онъ каталъ хлѣбные шарики и думалъ:

«А все-таки придетъ такое время, когда мнѣ будетъ хорошо... Россія станетъ свободной и, за то, что я кончилъ университетъ и читалъ либеральныя газеты, свободный народъ скажетъ мнѣ спасибо...»

II.

Въ девятьсотъ двѣнадцатомъ году Лущикина выпустили и сказали, что онъ свободенъ. Онъ выбралъ Якутскъ.

— Ничего, и подь гласнымъ надзоромъ люди живутъ, — рѣшилъ Лущикинъ, — зато вотъ придетъ время...

Въ 1914 году Лущикину сообщили, что онъ ратникъ второго ополченія.

Онъ не зналъ, что ему дѣлать съ этой радостною вѣстью — веселиться, или плакать.

Въ девятьсотъ пятнадцатомъ онъ зналъ, что ему надо дѣлать, когда на него надѣли широкую гимнастерку съ чу-

жого плеча, сунули въ руки тяжелое ружье, которое перегибало его пополамъ.

Но плакать было некогда.

Противъ него стоялъ унтеръ и хрипло выпѣвалъ:

— Ать-два! Ать-два! Ты, интеллигентъ, чортова пѣшка! Ты у меня брюхо подберешь! Ышь глазами, свинячій пупъ! Здѣсь тебѣ не университетъ, кошачья дрянь! Я тебѣ покажу энциклопедію!

Луцихинъ ковырялъ ружьемъ воздухъ, напрягался, чистилъ казарменные отхожія мѣста до тѣхъ поръ, пока какой-то пьяный подпоручикъ не заплулся о него и не спросилъ:

— Грамотный?

— Такъ точно.

— Гдѣ учился?

— Въ университетѣ.

— Значитъ, писать ты умѣешь?

— Такъ точно.

— Иди въ канцелярію. Только, чтобы безъ всякихъ тамъ римскихъ уголовныхъ и вообще. Что писать велятъ, то и пиши.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высоко...

Слѣзъ Луцихинъ въ канцелярію. Частью писалъ, частью бѣгалъ для старшаго писаря за папиросами. За это разъ въ мѣсяцъ получалъ отпускъ на четыре часа и, сидя гдѣ-нибудь въ уголкѣ, думалъ:

«ничего, придетъ время... Войдутъ въ казарму люди и спросятъ: «А нѣтъ ли здѣсь интеллигентнаго чловѣка?» А я выйду и скажу: «Я, Луцихинъ, присяжный повѣренный». Пожалуйста, товарищъ Луцихинъ — общественная работа передъ вами... Россія свободна, умственные силы нужны, а вы какъ интеллигентъ...»

III.

И время пришло.

Россія стала свободной. Потребовались умственные силы для созиданія новой жизни, и когда Луцихинъ радостно лѣзъ на нары въ казармѣ, чтобы привѣтствовать однополчанъ съ новымъ строемъ, новобранецъ Умыряловъ круто заявилъ:

— Брось, харя. Куда лѣзешь со своими ниверситетами. Натерпѣлись мы отъ вашего брата, барина... Будетъ.

Луцихинъ робко улыбнулся, пожевалъ губами и виновато пробормоталъ:

— Какой же я баринъ, товарищъ... Въ 1908 году меня аресто...

— Ну, нечего тамъ... Ногти, братъ, у тебя розовые, деколономъ отъ тебя тянетъ... Буржуишко чортово... Попили нашу кровь...

Побѣжалъ Луцихинъ домой, переодѣлся въ штатское, нацѣпилъ красный бантикъ и хотѣлъ сѣсть на извозчика.

— Семь.

— Чего семь? Половина второго, товарищъ-извозчикъ.

— Семь рублей, говорю. Куда ни поѣдешь. Съ кого же намъ, какъ не съ васъ, чертей баржуазныхъ, драть...

— И на трамваѣ люди ѣздятъ, — успокоилъ себя Луцихинъ.

Увы, это былъ прекрасный бытовой инцидентъ, а не непреложный фактъ. На площадкѣ кто-то увѣсисто ткнулъ его кулакомъ въ спину, поковырялъ въ ухѣ большой мѣдной пуговицей, плотно прижалъ ногу и облокотился на голову.

— Осторожнѣе, — жалобно пискнулъ Луцихинъ. Это вызвало острый взрывъ негодованія.

— Осторожнѣе тебѣ? Ахъ ты, чортъ крахмальный! Ему неудобно? А зачѣмъ ты въ трамвай лѣзешь? Ыздилъ бы въ каретахъ... Видишь, рабочий чловѣкъ, который неимущій — въ трамваяхъ ѣздитъ, такъ и ты сюда прешь? Отдыха отъ васъ, буржуевъ, нѣтъ... Въ рѣку бы васъ всѣхъ чертей...

Слѣзъ Луцихинъ съ трамвая и побрелъ въ казарму.

— Это вы что же, господинъ Луцихинъ?

— Какъ то-есть что?

— Писаремъ у насъ состоите?

— Писаремъ. Второй годъ.

— Такъ, такъ. А почему, позвольте узнать, вотъ Егоръ Тарабулинъ не писарь, а вы писарь?

— Такъ Тарабулинъ же неграмотный. Ты же самъ говорилъ.

— Ага... Значитъ, если онъ неграмотный, университетовъ не кончалъ, значитъ ему и писаремъ быть нельзя? Господинъ Луцихинъ можетъ, а Егоръ Тарабулинъ не можетъ.

На другой день Луцихинъ уже приготовлялся къ маршевой ротѣ, держалъ то же ружье, ковырялъ имъ въ воздухѣ и, изгибаясь, выпячивалъ грудь.

— Ать-два... Ать-два! Луцихинъ! Не гнитесь! Не нравится? Ничего, братецъ... Не все нашъ братъ, мужикъ, съ ружьемъ пошагивать долженъ и интеллигентъ, пусть помахаетъ... Эхъ вы... Буржуй, а на-плечо братъ не умѣете.

Ночью Луцихинъ лежалъ на нарахъ, спалъ и видѣлъ во снѣ, что интеллигенція — это мозгъ страны и ее нужно беречь. Это было такъ трогательно, что по щекамъ, сползая на подушку, текли слезы...

Поплачемъ же и мы, братья интеллигенты, вмѣстѣ съ Луцихинымъ... Ни тюрьмы наши, ни кровь наша, повидимому, не убѣдили демократію, что наши крахмальные воротнички — не паспортъ буржуй... Бѣдные, мы всегда были подъ гласнымъ надзоромъ... Когда-то насъ ссылали и вѣшали люди въ голубыхъ мундирахъ за демократію, теперь насъ будетъ гнать въ окопную грязь демократія за то, что люди въ голубыхъ мундирахъ тоже, какъ и мы, учились въ гимназіяхъ и кончали университеты...

Вѣдь это мы, Луцихины, составляли и разрабатывали тѣ политическія программы, съ точки зрѣнія которыхъ насъ теперь обливаютъ сочнымъ именемъ: бур-жу-а-зі-я...

Поплачемъ же, братья, съ моимъ луцихинымъ...

Арк. Духовъ.

ГРАЖДАНЕ-СОЗИДАТЕЛИ.

Продовольственная дама.

Елена Петровна была молода,
Имѣла къ работѣ общественной стимуль —
Была энергична и знала, куда
Направить свой шагъ въ предстоящую зиму.

Елена Петровна была молодцомъ,
Слегка презирала нелѣпую моду,
Мелькала на курсахъ прелестнымъ лицомъ,
Мечтая работать на благо народу.

Елену Петровну призвала страна
Умѣрить, смягчить продовольственный голодъ,
Узнать, сколько въ домѣ уходитъ пшена
И сколько желудковъ обоего пола.

Еленѣ Петровнѣ вручили мандатъ
Отправиться тотчасъ въ обходъ по квартирамъ.
Въ глазахъ помѣщенъ дальнобойный снарядъ,
И спрятана въ сердцѣ на случай мортира.

Съ кого бы начать неизвѣданный трудъ,
Куда позвонить дѣловито и звонко?
Шажки по ступенямъ чудесно влекутъ
Въ квартиру поручика-милаго львенка.

Поручикъ былъ дома, былъ красенъ, смущенъ.
Пшена онъ не ѣстъ и не жжетъ керосина.
Онъ что-то лепечетъ, онъ гостией сраженъ...
Онъ — мальчикъ, но славный. Въ немъ дремлетъ
мужчина.

Въ пятнадцатомъ—хуже, проворный жилецъ
Имѣетъ къ несчастью бездонный желудокъ,
Онъ жжетъ керосинъ, безразсудный глупецъ,
И пшенная каша — любимое блюдо.

Въ душѣ — суматоха, въ душѣ — кутерьма,
Ей слышится голосъ: «Спасайся, кто можетъ»,
Жилецъ тяжело дышитъ, жилецъ безъ ума,
Но дѣло спасенія важнѣй и дороже.

Бродила по лѣстницамъ часъ и другой,
Въ семейномъ кругу раза три засѣдала,
И въ десять часовъ, недовольна собой,
Къ «двадцатому» въ красную дверь постучала.

Читатель почувалъ трагичный финаль,
Еленѣ Петровнѣ — внезапная крышка,
Жилецъ былъ безъ должности, крѣпкій нахаль,
Мужчина въ отпѣнномъ соку, не мальчишка.

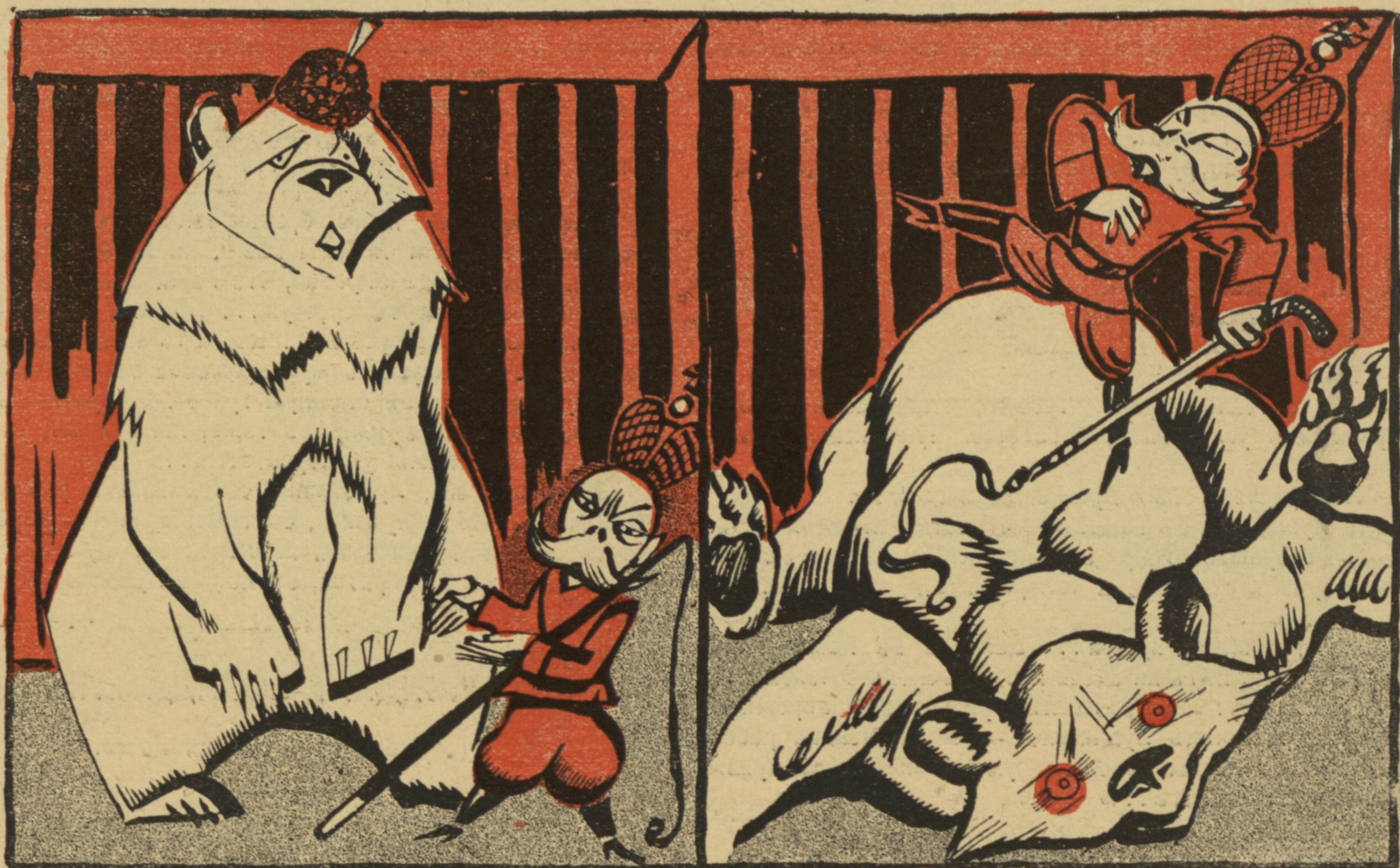
Разсыпались грустно въ гостиную листы,
Скрывая вопросовъ мучительный голодъ:
Живутъ ли въ квартирѣ собаки, коты?
И сколько желудковъ обоего пола?

Ал. Флитъ.

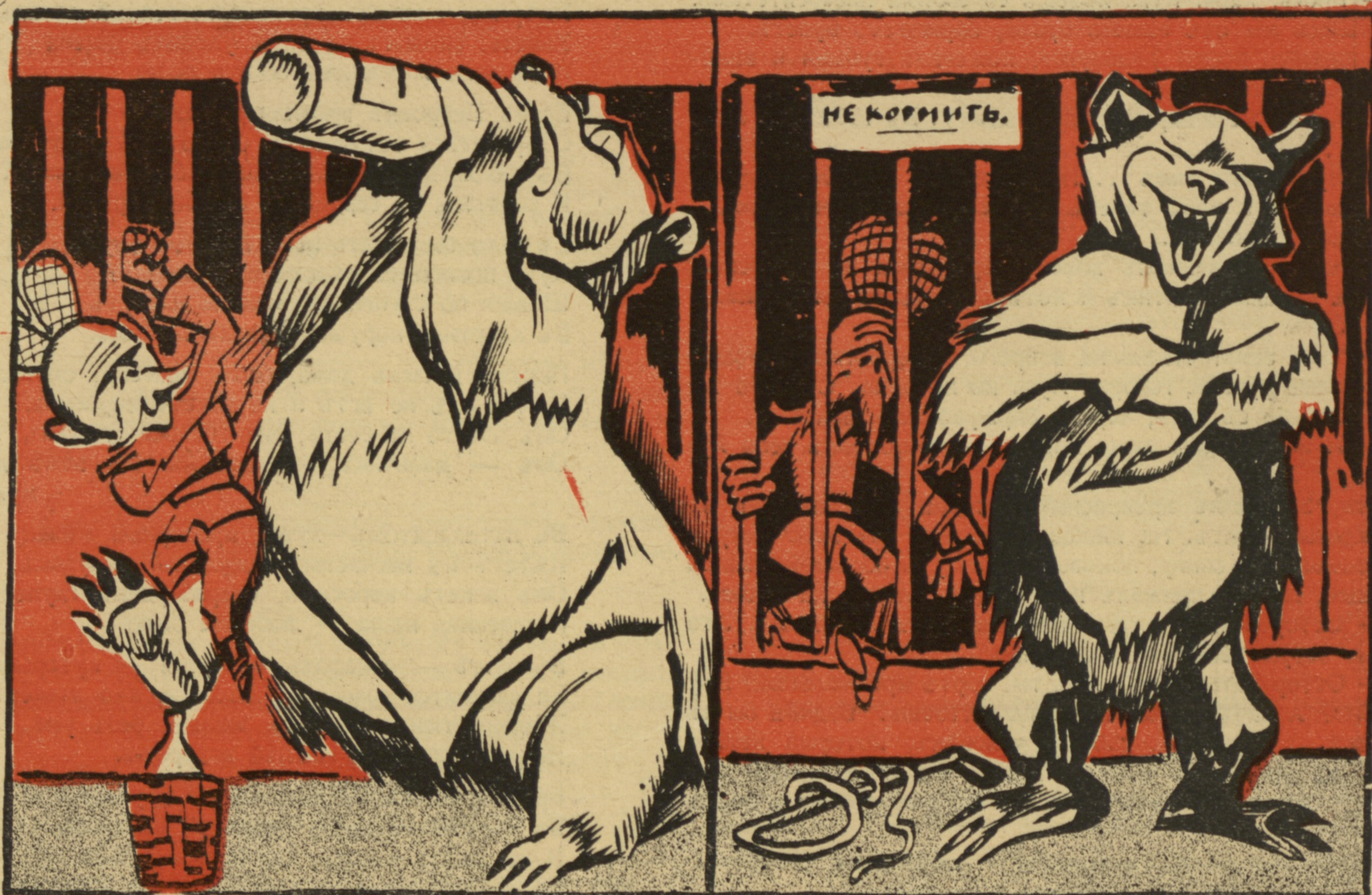
ИСТОРИЯ СМЕРНАГО МЕДВѢДЯ И ВЕСЕЛАГО ЦАРЯ.

Рис. А. Радакова.

Сначала добрый медведь-народъ былъ въ клѣткѣ, а царь на свободѣ. Изрѣдка онъ заходилъ въ клѣтку и показывалъ знатнымъ иностранцамъ: „Какой онъ у меня послушный, этотъ медведь“...

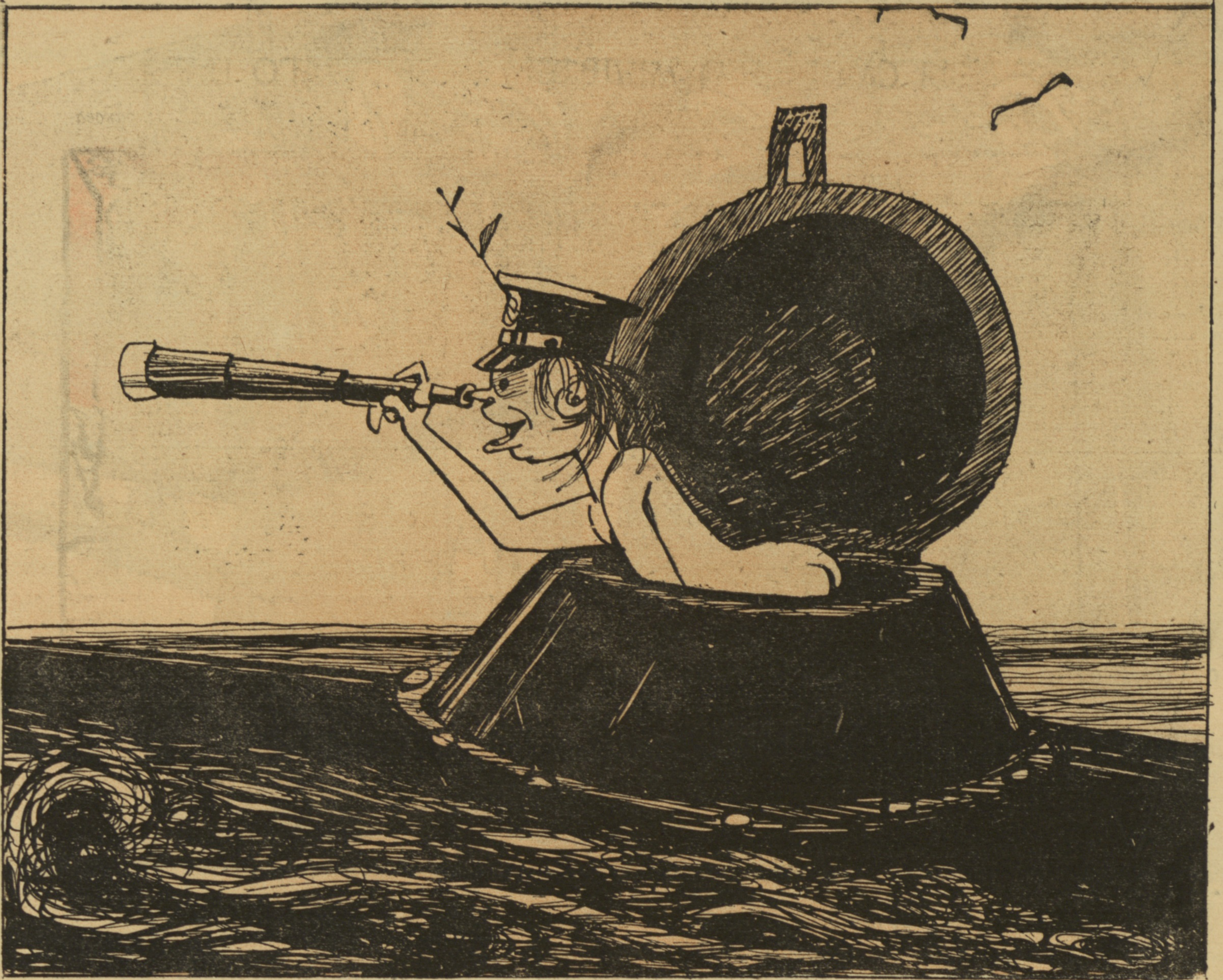
„Посмотрите-ка, на немъ даже верхомъ ѣздить можно“.

„Я его и водку выучилъ пить. Отъ нея онъ еще смиренѣе становится“.

И вотъ произошло то, что рѣдко происходитъ съ ручными звѣрьми и ихъ укротителями. Медведь оказался на свободѣ, а царь въ клѣткѣ. Подробности излишни.

ОНЪ УМЫВАЕТЪ РУКИ.

— *Нѣмецкій геній міра:* — На морѣ мнѣ лучше работать, чѣмъ на сушѣ — воды сколько хочешь: тутъ же и кровь съ рукъ смываешь.

ДАРЪ ДАНАЙЦЕВЪ.

Кайзеръ поднялъ усталые глаза на запыхавшагося адъютанта и удивленно спросилъ:

— Что такое случилось, что вы вбѣгаете безъ доклада, и дышите, какъ опоенная лошадь.

— Поздравляю, ваше величество! Ленинъ ѣдетъ въ Россію!

— Быть не можетъ! Молодецъ Плятеръ! Только нужно дать приказъ нашимъ подводнымъ лодкамъ... Чтобы онѣ не вздумали сдуру потопить тотъ пароходъ, на которомъ поѣдетъ Ленинъ.

— Я васъ обрадую еще больше! Онъ ѣдетъ въ Россію сухимъ путемъ!

— ?!?!??

— Черезъ Германію!

Вильгельмъ взялъ карандашъ, прикусилъ его зубами и смогъ произнести только одно слово:

— Од...нако!

— Да-съ. Хи-хи.

— Только вы ужъ озаботьтесь, чтобы онъ проѣхалъ, какъ король — со всѣми удобствами.

— Еще бы! Такой человекъ ѣдетъ въ Россію!!

— Странно,—прошепталъ польщенный Ленинъ.—И объ этихъ людяхъ говорятъ, какъ объ «озвѣрѣвшихъ тевтонахъ». Да я не встрѣчалъ болѣе милого обязательнаго народа!

* * *

— Эй, ты тамъ, начальникъ станціи! Пропусти поскорѣе поѣздъ съ господиномъ Ленинымъ!

— Господа! Сейчасъ не могу. Я раньше долженъ пустить воинскій поѣздъ съ резервами.

— Наплевать! Ленинъ намъ важнѣе твоихъ резервовъ. Вези! Тутъ что — подъемъ? Давай еще одинъ паровозъ — скорѣе доведемъ. Вамъ не дуется, герръ Ленинъ? Можетъ, покушать чего хотите, милый, достолюбезный герръ Ленинъ. Пиво есть хорошее. Дорогу Ленину! Эй, вы тамъ!!

— Послушайте, — нерѣшительно сказалъ Ленинъ. — А ваши нѣмцы меня не укокошатъ? Все-таки, я русскій.

— Васъ?! Укокошатъ? Да что они враги себѣ, что ли? Хотите, на рукахъ донесутъ до границы?!

— Но вѣдь... я же... русскій...

— Ну, какой вы тамъ русскій. Смазчикъ! Осмотри внимательно оси, не вышло бы, не дай Богъ крушеніе!..

* * *

Интервью съ Ленинымъ въ Россіи.

— Скажите, господинъ Ленинъ, чѣмъ вы объясняете такое исключительное къ вамъ вниманіе со стороны нѣмцевъ?

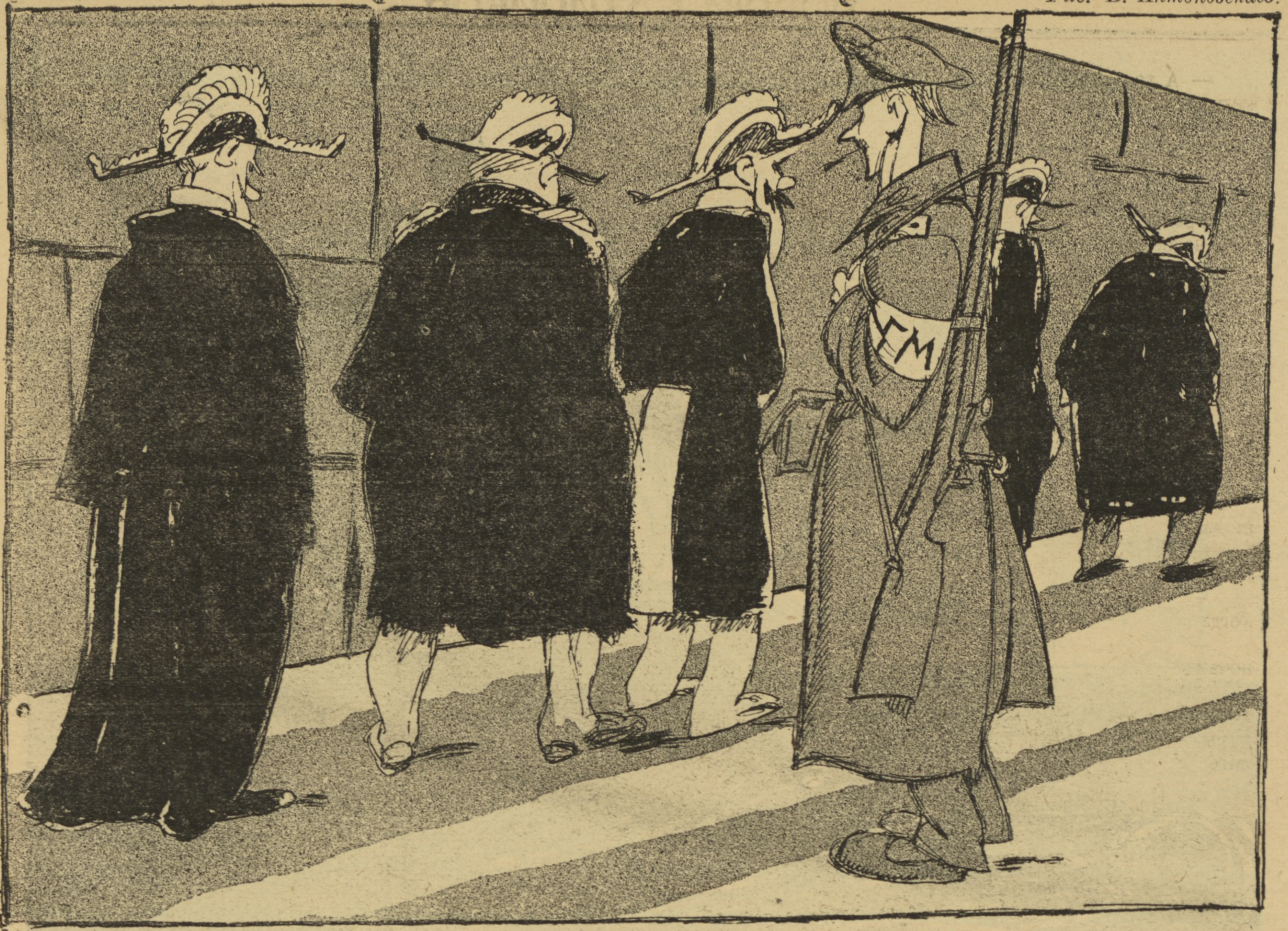
— Хорошій я — очень просто. И нѣмцы тоже хорошие. А иначе чего бы имъ такъ за мной ухаживать? Смѣялось небо.

— Пожалуйста, герръ Ленинъ. Поѣздъ уже поданъ, герръ Ленинъ! Осторожнѣе, тутъ ступенька, герръ Ленинъ!

— Эхъ, хорошо, если бы мнѣ нашлось спальное мѣстечко...

— Спальное мѣстечко?! Вы насъ, право, обижаете, герръ Ленинъ! Цѣлое купѣ къ вашимъ услугамъ! Да что купѣ — цѣлый вагонъ!! Поѣздъ цѣлый вамъ даемъ — вотъ что-съ.

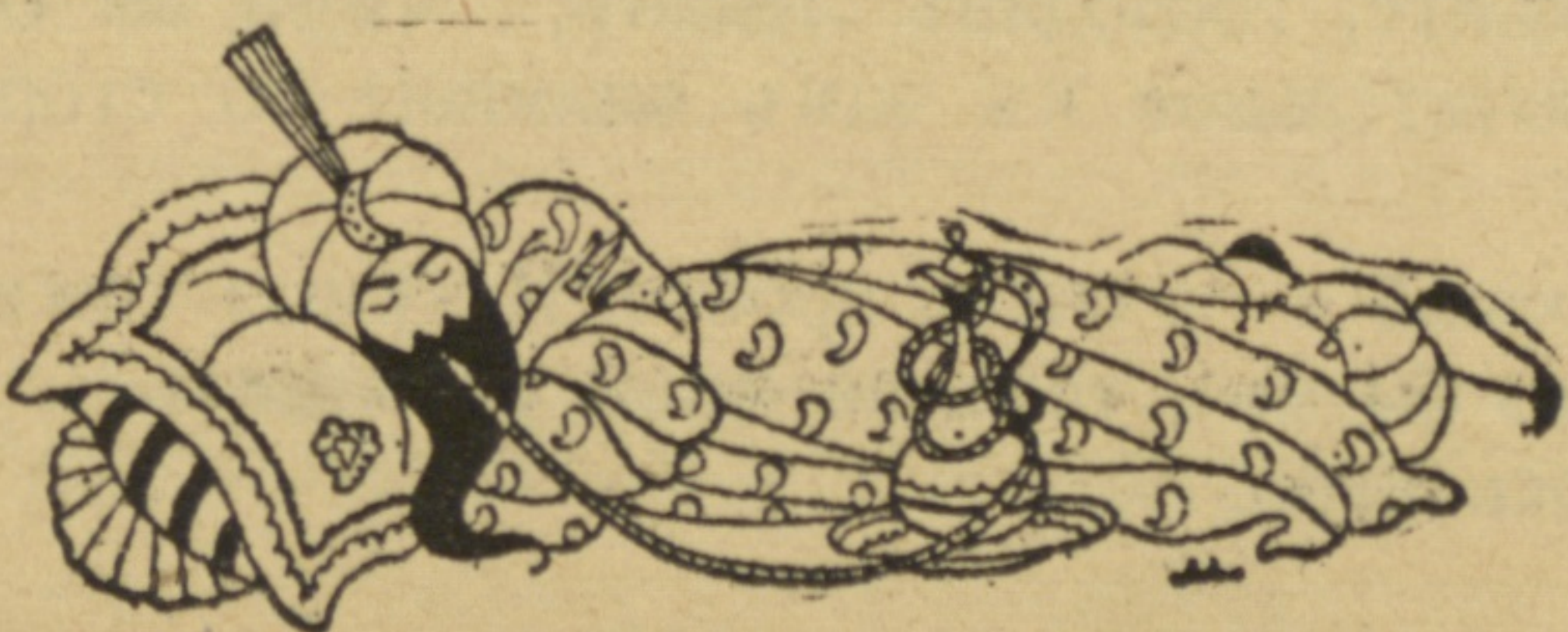
ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ КЛАССИКАМЪ.

Блѣдны, полны тупыхъ сожалѣній —
Потерявшіе шикъ молодцы... (Н. А. Некрасовъ. „Убогая и нарядная“.)

ЕГО ПРАВО.

Когда на грани свѣтлыхъ встрѣчъ,
Въ горнилѣ пламенной свободы
Былъ освященъ народный мечъ,
Сметавшій дни, сметавшій годы,
Какъ вѣдьма зоркая въ дыму
Трусовъ искала небылица,
И шалый страхъ душилъ въ дому,
Обезобразивая лица.
Дрожаль гаденышъ-человѣкъ,
Ушедшій въ нору, въ крѣпкій камень,
А за стѣною мчался вѣкъ,
Бросая въ міръ грозу и пламень.
Спадало сердце съ высоты
И въ ребра бѣшено стучало.
«Громятъ охранку, судъ, «Кресты»,
Вотъ онъ — конецъ и вотъ — начало...
А что случится, если вдругъ
Придутъ низложенные снова?...
Заерзалъ вкрадчивый испугъ,
Зашевелилась нечисть слова.
Какъ жаль, что некому купить
Ненужный даръ, пустое право:
Быть современникомъ и жить,
Дрожа налѣво и направо.
А то бы могъ домовый кротъ
Съ душой условиться и — баста,
Душа — заранѣе живеть,
Онъ — позже лѣтъ на полтора.

Ал. Флитъ.

СВОБОДНЫЕ ОДЕССИТЫ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

- Ой! Неужели, Канторовичъ?
— Чего вы такъ удивились? Это при Толмачевѣ было чудо, когда еврей доживалъ до старости. А теперь такой случай сплошь и рядомъ. Здравствуйте, товарищъ Гендельманъ. Ну, что новаго?
— А! Какія могутъ быть у насъ новости?
— Послушайте, вѣдь теперь смертная казнь отмѣнена. Чего же вы носъ свой повѣсили?
— Почему? Потому что... (оглядываясь таинственно) тутъ никого нѣтъ изъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ? Потому что мнѣ эта свобода не нравится!
— Вамъ? Еврею? Не нравится? Свобода? Гендельманъ! За такія слова я даю вамъ мысленно по мордѣ!
— Попробуйте! А я мысленно сваливаю васъ на полъ, бью ногами въ животъ, вырываю половину волосъ на головѣ и, вообще, мысленно плюю на васъ.
— Расхдился! Чего вы такъ расходились? Ему не нравится свобода! Почему она вамъ не нравится?
— Потому что эта свобода не для всѣхъ.
— Эта свобода не для всѣхъ! Для кого же ея не хватило?
— Для кого ея не хватило? Для евреевъ!
— Онъ говоритъ: ея не хватило для евреевъ! Почему ея не хватило для евреевъ?
— Ясно: мы сдѣлались безправными.
— Они сдѣлались безправными! Почему вы сдѣлались безправными?
— Конечно! Раньше мы имѣли право пойти въ участокъ, имѣли право дать пристава, имѣли право дать околоточному, имѣли право дать паспортисту. И тогда мы имѣли право жить, гдѣ угодно! Видите, сколько правъ.
— Вотъ идиотъ! А теперь вы, Гендельманъ, развѣ не имѣете право жить, гдѣ угодно?

— А то имѣю? Какое же я, извините меня, имѣю право жить, если я никому не давалъ?

— Кому же вы можете дать?

— Кому я могу дать! Полиціи я могу дать.

— Такъ вѣдь ея же нѣтъ!

— А о чемъ же я и плачу! Вы знаете, русская полиція для еврея, это все равно, какъ единственная брюки у бѣднаго человѣка... Отняли у него полицію, и онъ чувствуетъ себя такъ, будто, извините, среди бѣла дня безъ штановъ остался.

— Ну, нѣтъ полиціи, такъ теперь есть милиція.

Гендельманъ усмѣхается скорбно-иронически и, наклонившись къ самому лицу Канторовича, многозначительно подмигиваетъ:

— А она беретъ?

— Милиція? Вы съ ума сошли! Конечно, нѣтъ.

— Такъ какъ же я ей дамъ, если она не беретъ?!

— Такъ вы ей не давайте.

— Мерси васъ. А какъ же я буду жить здѣсь, если я не даю.

— Вы изумительный дуракъ, товарищъ Гендельманъ. Разъ свобода, такъ вы живете, гдѣ хотите и какъ хотите.

— Какая это свобода, когда я не живу, а мучаюсь, когда я по ночамъ не сплю.

— Онъ не спитъ по ночамъ! Почему вы не спите по ночамъ?

— Потому что я никому не давалъ. Раньше я дамъ, кому надо, кому и не надо — и сплю себѣ, какъ дитя. А тутъ я знаю: каждую минуту могутъ придти и меня выселить.

— За что?

— За что? За то, что я еврей.

— За то, что вы дуракъ, васъ могли бы выселить. Но за это, къ счастью для васъ, не выселяютъ.

— Чего вы на меня кричите, Канторовичъ? Я не такой дуракъ, какъ вы про себя думаете. Я уже нашелъ выходъ. Хе-хе. Умный еврей даже при свободѣ найдетъ выходъ.

— Онъ нашелъ выходъ! Какой же это выходъ?

— Вы не знаете, Канторовичъ, когда въ тюрьмѣ можно получать свиданіе? По пятницамъ?

— А что?

— Я знаю, гдѣ сидитъ нашъ бывший приставъ. Такъ я пойду, похлопочу, чтобъ мнѣ дали съ нимъ свиданіе, и я ему суну что-нибудь въ руку, чтобъ онъ мнѣ поставилъ штемпель. Тамъ, знаете свобода, республика, красное знамя, розетки-мазетки — это хорошо, но со штемпелемъ отъ пристава оно еще лучше.

— Когда я смотрю на васъ, Гендельманъ — меня тошнить. Вы просто старый загнаный осель. Про васъ очень здорово выразился одинъ поэтъ:

Рожденный ползать—
Летать не можетъ.

— Не могу летать, вы говорите? И слава Богу! Я именно и боюсь полетѣть отсюда.

Канторовичъ качаетъ головой и съ невыразимымъ презрѣніемъ оглядываетъ согбенную фигуру Гендельмана.

— Теперь! Пойти къ приставу! За штемпелевкой паспорта! До этого только вы, Гендельманъ, могли додуматься.

— А что развѣ плохо? Обязательно пойду.

— Онъ пойдетъ! Когда же вы пойдете?

— Завтра я пойду.

— Сколько же вы ему думаете дать?

— Я думаю, четвертного довольно.

— Такъ дешево? Скажите, въ которомъ же часу вы пойдете?

— Пораньше. Въ десять.

— Онъ пойдетъ въ десять! Ну, идите. Черезъ какую улицу вы будете идти?

— Черезъ Михайловскую.

— Такъ это почти мимо меня!

— Два шага.

Пауза.

— Гендельманъ...

— Ну?

— Можетъ, вы зашли бы за мной?

— Зачѣмъ?

— Пойдемъ вмѣстѣ.

Аркадій Аверченко.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

19.

„Летчикъ“.

Въ дрянненькую гостиницу пріѣхалъ и занялъ номеръ толстый, рыхлый и немолодой человѣкъ въ мѣховомъ кэпи, кожаной тужуркѣ и желтыхъ сапогахъ.

Далъ паспортъ на имя мѣщанина Ивана Хоботова, а на вопросъ о профессіи отвѣтилъ важно:

— Летчикъ.

Прожилъ онъ въ номерѣ недѣлю, въ теченіе которой много пилъ, ѣлъ, спалъ, игралъ на гитарѣ, пронзительно пѣлъ, приводилъ съ улицы женщинъ, а въ промежуткахъ ходилъ по коридору въ желтомъ жилетѣ съ красными пуговицами и оралъ на прислугу.

Въ концѣ недѣли ему подали счетъ.

Увидѣвъ счетъ, онъ какъ будто удивился и спросилъ:

— Это что такое?

Ему отвѣтили:

— Счетъ, баринъ.

— Какой счетъ?! — вспылить онъ. — Почему счетъ? Что я — удираю, что ли? Мнѣ, летчику, будутъ подавать каждые нѣсколько дней счетъ?! Что же это такое, издѣвательство или недоверіе? Мнѣ, летчику, смѣютъ не доверять.

Лакей ушелъ. Пришелъ управляющій, — усталый, старый и въ сюртукѣ.

— Это безобразіе! — кричалъ на него летчикъ. — Что я у васъ — обыкновенный жилецъ, что ли? Суточный? Я еще мѣсяца два проживу, пока аэропланы придутъ. Не смѣть же ко мнѣ приставать!

Управляющій ушелъ. Летчикъ продолжалъ жить въ гостиницѣ, играть на гитарѣ, пронзительно пѣть, водить женщинъ и орать.

Все это никому не нравилось, но всѣ терпѣли.

Говорить съ нимъ никто не могъ. Чуть-что — поднимался крикъ, и, какъ короткій крѣпкій бичъ, хлестало по головѣ слово «летчикъ».

Когда у него не хватало денегъ, онъ бралъ старика-управляющаго за лацканъ и говорилъ:

— Дай, старикъ, двадцать пять рублей. Прибудутъ аэропланы — отдамъ.

Если старикъ медлитъ, онъ говорилъ съ брезгливо-недоумѣющей гримасой:

— Мнѣ, летчику, не вѣришь? Летчику?!

Слово «летчикъ» электризировало, колдовало.

Прислуга шушукалась:

«Летчикъ спитъ», «летчику не понравится», «летчикъ поетъ».

Вся гостиница была во власти паническаго и полного непонятнаго властнаго обаянія слова «летчикъ».

Но вдругъ въ гостиницу пріѣхалъ какой-то господинъ, встрѣтилъ летчика на лѣстницѣ, испустилъ дикій крикъ и набросился на него, какъ голодный леопардъ:

— Мерзавецъ! Ты здѣсь! Деньги мои отдай! А-га! Я поймалъ тебя, наконецъ.

Летчикъ хотѣлъ бѣжать, но его задержали, заставили вернуться нъ номеръ и немедленно предъявили счетъ, а старикъ управляющій оживился, помолодѣлъ и заговорилъ молодымъ голосомъ:

— Деньги пожалуйста. Платить надо. Деньги. Деньги. Деньги.

Но платить летчику было нечѣмъ. Оказалось, что онъ не летчикъ, а прогнанный служащій цирка.

— Скоро придутъ аэропланы... — неувѣренно забормоталъ онъ. Но впечатлѣнія его слова уже не произвели. Все было кончено.

По гостиницѣ пролетѣлъ невидимый жестокой токъ, и маленькій хмурый лакей, стоявшій за спиной летчика, вдругъ ударилъ его подносомъ по затылку. Другой налетѣлъ на него спереди, «летчика» выволокли въ темный коридоръ и начали бить.

Его били долго, съ наслажденіемъ и, главное, — всѣ били. Изъ кухни выскочили мальчишки-повара, которыхъ никто никогда не видѣлъ, и тоже били — худыми и злыми жилистыми руками.

Въ этомъ темномъ коридорѣ дрянной гостиницы свершалась по-своему великая революція.

Били жестоко веселаго и толстаго человѣка за непонятную власть новаго слова.

Ефимъ Зозуля.

ДѢТИ И МИЛИЦІЯ.

Не знаю, существуетъ ли еще общество защиты дѣтей, но если оно существуетъ, то мнѣ хотѣлось бы обратить его вниманіе на скверное положеніе дѣтей, ушедшихъ въ милицію...

Теперь весна, петроградская весна. Сыро. Грязно. Вездѣ лужи, а галошъ теперь въ городѣ почти нѣтъ.

Долго ли нѣжному петроградскому ребенку схватить бронхитъ, воспаленіе легкихъ или дифтеритъ?

А винтовка! Вчера на Старо-Невскомъ я видѣлъ милиціонера, который былъ почти вдвое меньше своей винтовки.

Это былъ очень строгій реалистъ, какъ потомъ я узналъ, четвертаго класса.

— Вамъ не тяжело? — спросилъ я его, указывая на винтовку.

Реалистъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, что морозъ у меня пробѣжалъ по кожѣ. Я немножко струсиль и подумалъ было:

«Богъ съ нимъ... Этакой дядя, какъ хлопнетъ, такъ только мокрое мѣсто останется».

Я хотѣлъ пойти своей дорогой, но страшный реалистъ, замѣтивъ мой страхъ, смягчился и сказалъ:

— Ничего, ничего. Я не страшный. А насчетъ винтовки, такъ пустяки. Я очень сильный. Видите мускулы?

Онъ сжалъ правый кулакъ, согнулъ руку и поднесъ мнѣ.

— Потрогайте.

— Удивительные мускулы! — сказалъ я.

— Бицепсы-то, бицепсы каковы!

— Удивительные бицепсы!

— Вотъ видите...

Въ то время, какъ богатырь-реалистъ поднималъ руки, я замѣтилъ, что указательный и средній пальцы на его лѣвой рукѣ сильно порѣзаны.

— Отчего это у васъ? — спросилъ я его.

— Пальцы? Отъ шашки. У меня прежде шашка была. Мама говорила, чтобы я ее не трогалъ, а я однажды не послушался и потрогалъ шашку.

— Острая была?

— У, какая острая! Чуть безъ пальцевъ не остался. Мама тогда пошла въ комиссаріатъ и попросила, чтобы мнѣ, вмѣсто шашки, винтовку дали.

Вдали показался автомобиль, и юный милиціонеръ бросился ему на перерѣзъ. Раздался его грозный окликъ:

— Стой! Стрѣлять буду...

Еще такого милиціонера, только уже не реалиста, а гимназиста, я видѣлъ на Пескахъ.

Онъ объяснялъ двумъ очень молоденькимъ гимназисткамъ устройство браунинга.

— Вотъ это, — объяснялъ онъ, — рукоятка, вотъ стволъ, а вотъ это предохранитель.

— Ахъ, какъ интересно! — восхищались гимназистки. — Отъ чего предохранитель предохраняетъ?

— Отъ выстрѣла! — важно объяснялъ имъ гимназистъ, — если вотъ такъ повернуть...

— А отчего предохраняетъ стволъ? — любопытствовали гимназистки.

Любезный гимназистъ на этотъ вопросъ, повидимому, не могъ найти отвѣта, ибо онъ молча сталъ вертѣть въ рукахъ револьверъ.

— Дайте поддержать! — попросили гимназистки.

— Ишь чего захотѣли? Не для женщинъ это.

— А вы развѣ, товарищъ, противъ женскаго равноправія?

Гимназистъ растерялся и не зналъ, что отвѣтить. Браунингъ однако спряталъ.

Дѣти-милиціонеры, по отзыву людей компетентныхъ, несутъ службу превосходно.

Являются во время. Зорко слѣдятъ за порядками. Честно выстаиваютъ на постахъ свои часы.

Въ одномъ только они, по причинамъ не отъ нихъ зависящимъ, уступаютъ взрослому элементу въ милицію.

Трудно имъ слѣдить за очередью въ «хвостахъ».

На-дняхъ только, — я былъ свидѣтелемъ такой сценки.

Было это у одной изъ булочныхъ. Хвостъ стоялъ громаднѣйшей, и всѣ перли впередъ къ завѣтнымъ дверямъ.

Двое милиціонеровъ изъ всѣхъ силъ старались сдерживать толпу.

Обоимъ имъ было вмѣстѣ лѣтъ тридцать. Оба были во-

оружены винтовками, которыя сильно имъ мѣшали, и оба вмѣстѣ они умоляли:

— Ради Бога, не напирайте, граждане!

Но граждане «напирали». Одного милиціонера приперли такъ къ косяку, что онъ не выдержалъ и заплакалъ.

Увы! На эти святятыя дѣтскія слезы никто не обратилъ вниманія, и если бы не подоспѣвшіе на помощь приказчики, пришлось бы туго гражданамъ-милиціонерамъ.

Все это, однако, не важно.

Важнѣе всего простуды. Жалко вѣдь. Простудится ребенокъ, сляжетъ и еще, не дай Богъ, заболѣетъ серьезно.

А гдѣ лѣкарства теперь взять? А гдѣ теперь врача возьмешь?

Врачи теперь, какъ масло, сукно и куры, сильно поднялись въ цѣнѣ и составляютъ почти такую же рѣдкость, какъ галоши.

Пока найдешь врача и уговоришь его пріѣхать, больной можетъ умереть.

Берегите же дѣтей отъ простуды, берегите!

О. Л. Д'Орь.

ЖАЛОБА.

Не могу я жить безъ палки,
За недѣлю тѣнью сталъ,
И смѣются даже галки:
«Вотъ такъ, братцы, либераль!..»
Положеніе же наше,
Право, хуже день отъ дня:
Кто «березовою кашей»
Нынче выкормить меня?..
Кто мнѣ голову «намылить»,
Кто «расчешетъ» и «взбодритъ»,
Кто «почиститъ зубы»?.. — вы ли?..
Кто мнѣ «баню» смастеритъ?..
Всякъ теперь толпиться будетъ,
Разойтись одни слова,
Всякъ, навѣрно, позабудетъ
Какъ тамъ выглядить Москва!..
Не увидишь нынче паки
Прежней жизни благодать:
Мѣста, гдѣ «зимуютъ раки»
И Кузьмы-дѣляги мать...
А въ поля (на то похоже),
Гдѣ телятъ Макарка пасъ,
Нынче съѣдутся вельможи
И совсѣмъ не пустятъ насъ!..

Сергѣй Михѣевъ.

АНЕКДОТЫ ЭТОГО ДНЯ.

Сила привычки.

Вскорѣ послѣ изданія С. Р. и С. Д. приказа № 1, по улицѣ навстрѣчу офицеру идетъ солдатъ; онъ не отдаетъ чести. Офицеръ останавливаетъ его:

— А что, у васъ въ полку тоже порѣшили чести не отдавать?

Солдатъ вытягивается въ струнку и отдаетъ честь:

— Такъ точно, ваше в-діе.

Въ трамваѣ.

— Господа, потѣснитесь пожалуйста, а то тамъ на подножкахъ товарищи висѣльники упадутъ.

Равноправіе.

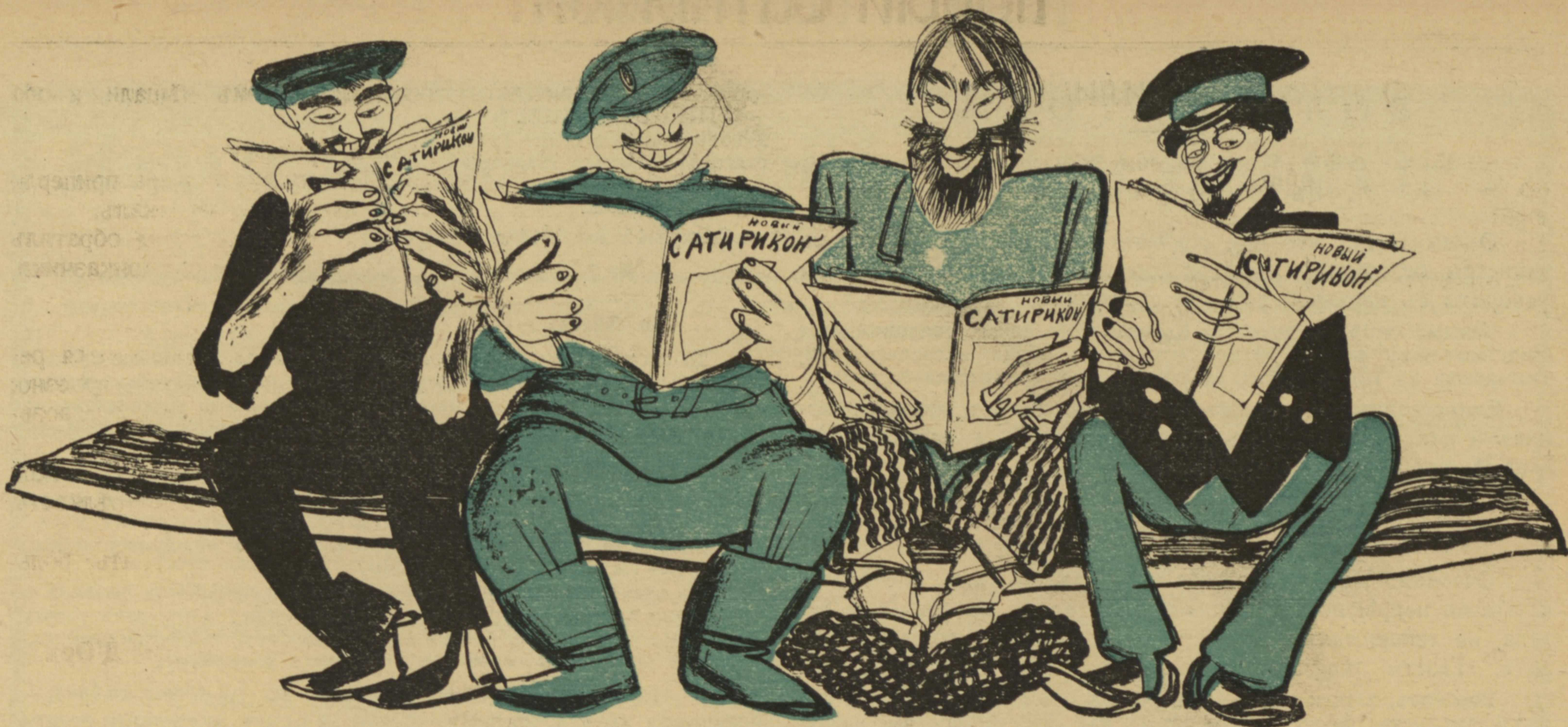
Милиціонеръ осаживаетъ даму, пытающуюся проникнуть въ трамвай съ передней площадки:

— Сударыня, потрудитесь войти въ вагонъ съ задней площадки.

Дама (возмущенно):

— И это называется равноправіе!

ОНИ ЧИТАЮТЪ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ И ВЕСЕЛО СМЪЮТСЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА РЕСПУБЛИКАНСКІЙ ЖУРНАЛЬ САТИРЫ И ЮМОРА

НА 1917 ГОДЪ

5-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

5-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

Всѣ годовые подписчики получатъ: ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОПИСНАЯ ЦѢНА на одинъ годъ безъ доставки 10 руб. съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.,
на 1/2 года — 5 р. 50 к., на 1 мѣс. — 95 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій 64. Тел. 644—56.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: „Новый Сатириконъ“.

ОНИ ТОЖЕ ЧИТАЮТЪ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ И — НЕ СМЪЮТСЯ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Въ обществѣ и свѣтѣ.

Оказывается, что при старомъ режимѣ не одни только министры безславно и быстро кончали свою карьеру. Были фавориты съ карьерой еще катастрофичнѣе:

Каждый прїездъ епископа Варнавы тобольскаго сопровождался представленіемъ новаго блаженнаго; его кормили нѣсколько дней, приглашали къ чаю и затѣмъ за счетъ Двора отправляли на родину.

Единственный изъ блаженныхъ и юродивыхъ, кого, покормивъ и напоивъ чаемъ, не отправили домой, а оставили при дворцѣ, это — А. Д. Протопоповъ.

Тяжести быта.

Очевидно Петропавловская крѣпость, ея бытъ, обстановка и обычаи неприятно дѣйствовали не только на посылаемыхъ туда, но теперь такъ же дѣйствуютъ и на тѣхъ, кто туда посылалъ. Газеты пишутъ о новыхъ туземцахъ Петропавловки:

Воейковъ, хотя и не грубъ, но не отказывается отъ своихъ старыхъ замашекъ: по выраженію одного изъ лицъ крѣпостного персонала, онъ „говоритъ тономъ важнымъ, въ носъ, въ стилъ высшей гвардіи или царскосельской аристократіи“...

Протопоповъ же и здѣсь все еще рассчитываетъ на новаго Распутина:

При появленіи членовъ слѣдственной комиссіи Протопоповъ сталъ истово креститься и класть низкіе поклоны.

Довольно долго онъ выдавалъ себя за помѣшаннаго на религіозной почвѣ, цитировалъ тексты Библии и Евангелія и не отвѣчалъ на вопросы, но, замѣтивъ, что эта тактика бесполезна, Протопоповъ заговорилъ обыкновеннымъ языкомъ и сталъ оправдывать себя.

Каждый такъ или иначе проявляетъ свою способность примѣниться къ новому укладу жизни. Нѣкоторымъ это удается; къ разряду этихъ людей, къ счастью, не принадлежатъ тѣ, кто приходитъ съ явно недѣйствительными средствами: разговоромъ въ носъ и естественной симуляціей идиотизма.

Приговоренный къ радости.

Когда человекъ радуется по настроенію — это очень прїятное зрѣлище. Но радость по обязанности производить впечатлѣніе остраго припадка падучей болѣзни.

Новоременецъ В. Розановъ, почувствовавъ, что даже горячо написанная погромная, или клеветническая статья взрывовъ восторга теперь не вызоветъ, началъ искать чего-нибудь умиляющаго въ революціи. И нашель.

... улыбаются. Чего? — „Висятъ“ попережнему на трамваяхъ (сегодня — удивительное зрѣлище: одинъ ухватился руками за мѣдную ручку вагона, а ногами „въ обхватъ“ обнялъ „пониже“ висящаго, по который уже висѣлъ на ногахъ и рукахъ); и вотъ прежде „кляли судьбу“ такіе „висящіе“, а теперь никого не клянуть и ѣдутъ благословенно. Потому сужу „благословенно“, что лица въ смѣхъ и улыбки.

Бросьте, Вас. Вас., революцію. Въ „обхватъ“ вамъ ее не взять, а если и уцѣпите „пониже“ то ничего хорошаго не увидите. Это не по васъ занятіе.

Покотило.

О томъ, какъ не хорошо понимать подъ свободой слова что-то совершенно сюда не относящееся, свидѣлствуетъ такой фактъ изъ недавнихъ дней:

При вступленіи своемъ въ роль хозяина Донскаго края генералъ Покотило назначилъ день и часъ пріема начальствующихъ (не военныхъ) лицъ.

Ждали, ждали, наконецъ, вышелъ новый начальникъ края.

— Господа, — сказалъ онъ, — я радъ васъ видѣть. Если въ будущемъ вамъ нужно будетъ что-нибудь сообщить мнѣ, я васъ выслушаю. Но предупреждаю васъ: когда я скажу: „замолчите“, вы должны будете молчать. Когда я скажу: „говорите“ — вы можете говорить.

Въ такомъ толкованіи и свобода собраній значительно упрощается.

— Захотите собраться — милости просимъ, но если только я трехъ человекъ вмѣстѣ увижу, я вамъ покажу что такое демократическая республика и тому подобное!

Собачье дѣло.

Такую штуку просто боязно испортить припиской. Даемъ ее въ неприкосновенномъ видѣ:

Извѣстія бѣлевскаго исполнительнаго комитета начали печатать архивъ мѣстной жандармской полиціи. Въ № 3 напечатанъ такой документъ.

Секретно.

УНТЕРЪ - ОФИЦЕРЪ
дополнительнаго штата Гульскаго
Губернскаго Жандармскаго
Управленія.

Января 15 дня 1914 г.

№ 3.

Гор. Бѣлевъ.

Доношу вашему превосходительству, что въ настоящее время въ гор. Бѣлевѣ много вызвала возмутительнаго разговора собака, которая носитъ кличку Столыпинъ. Наведенными справками установлено, что владѣльцемъ этой собаки является докторъ желѣзнодорожной больницы Громовъ, который и далъ ей эту кличку.

По поводу этой не подходящей клички я обращался къ начальнику бѣлевскаго жандармскаго отдѣленія ротмистру Грязнову, который мнѣ объяснилъ, что въ данномъ случаѣ состава преступленія нѣтъ, а есть лишь одна насмѣшка, которая относится къ покойному председателю совѣта министровъ Столыпину.

На дняхъ упомянутый докторъ по этому дѣлу былъ вызванъ къ начальнику отдѣленія и объяснилъ, что кличку Столыпинъ собакѣ не давалъ, а назвалъ ее Столыпка. Однако, на предложеніе ротмистра Грязнова уничтожить ее, докторъ отдѣлался молчаніемъ.

„Странно, — навѣрное подумала въ то время собака, — если меня хотятъ повѣсить только за одинъ неудачный псевдонимъ, какъ же себя долженъ чувствовать тотъ, у кого эта фамилія — настоящая?“

Новыя пѣсни.

Доброе старое „Новое Время“, элегантно задрапировавшись въ республиканскую тогу, производитъ тонкій анализъ причинъ русской революціи:

„Быть можетъ, трупъ самодержавія упалъ всего только отъ рѣзкаго крика кухарки?“

Во всякомъ случаѣ, я утверждаю, что русское самодержавіе могло бы упасть и отъ толчка ребенка“...

Добрые нововременцы! Да почему же вы-то зѣвали? Да гдѣ же вы были, разъ самодержавіе могъ толчкомъ свалить любой ребенокъ?! Да почему же вы не толкали?

Вѣдь даже ребенокъ могъ свалить. А вы — большіе этакіе бородатые люди съ сильными крѣпкими рабочими лапами — почему не толкнули въ свое время?

Не лучше ли помолчать вамъ о семъ деликатномъ вопросѣ?

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Θеодосія, Ю. Т—ну. Ю. Т. горячо оповѣщаетъ:

„Я зачатъ въ мигъ слянья тѣлъ,
Я — плодъ, рожденный сильной страстью.
Являться въ міръ я не хотѣлъ,
Но призванъ былъ чужою властью“.

Старый способъ. Только мы тутъ совершенно не при чемъ. Не по мѣсту жалуетесь.

Одесса. Альфреду. Этотъ тоже со своимъ личнымъ дѣломъ:

„Чувство звѣря проснулось, открылось во мнѣ,
Захлестнуло животную страстью“.

Мы надѣемся, что причиной этого отнюдь не явилась наша редакція. Попробуйте взять себя въ руки. Не поможетъ — обратитесь въ милицію.

С. Кресты. П. Востринову. Востриновъ пишетъ:

„Стихотвореніе, которое я прилагаю, я написалъ очень скоро. Нѣкоторые друзья находятъ во мнѣ талантъ и совѣтуютъ писать для журналовъ.“

Помните, что друзья всегда стараются устроить пакость ближнему. Если будутъ увѣрять еще — можете примѣнить все, вплоть до физическаго воздѣйствія. Съ такими людьми иначе ничего не сдѣлаешь.

Въ пространство. А. Горчилину. Безпросвѣтное уныніе слышится въ искусныхъ стихахъ А. Горчилина.

Всѣ люди свиньи.

Всѣ люди свиньи.

(Хоть я то же свинья)

Въ тоскѣ — уныніи

Среди нихъ брожу я.

Байронъ тоже былъ недоволенъ собой и окружающими, но онъ выражался туманнѣе. Мужайтесь, Горчилинъ.

Арк. Б—въ.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

<p><u>Аркадій Аверченко.</u></p> <p>О маленькихъ — для большихъ. (Разказы о дѣтяхъ). Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>О хорошихъ, въ сущности, людяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чернымъ по бѣлому. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Сатириконцы въ Европѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чудеса въ рѣшетѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Разказы для выздоравливающихъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Веселыя устрицы. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Круги по водѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Волчьи ямы. Цѣна 60 к.</p>	<p><u>Тэффи.</u></p> <p>Неживой Звѣрь. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Ничего подобнаго. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Дымъ безъ огня. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Карусель. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>И стало такъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <hr/> <p><u>Аркадій Буховъ.</u></p> <p>Жуки на булавахъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чортова колесо. Цѣна 1 р. 50 к.</p>	<p><u>Юрій Слезкинъ.</u></p> <p>Повѣсти о странностяхъ любви. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p><u>Оома Опискинъ.</u></p> <p>(Съ предисловіемъ Аверченко и портретомъ автора)</p> <p>Сорныя травы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Владиміръ Воиновъ.</u></p> <p>Солнечные разказы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Исидоръ Гуревичъ.</u></p> <p>Сигнальныя ракеты. Цѣна 1 р. 25 к.</p>
<p><u>Сергѣй Горный.</u></p> <p>Почти безъ улыбки. Цѣна 1 р. 10 к.</p>	<p><u>Дмитрій Цензоръ.</u></p> <p>Легенда будней. (Лирика.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>	<p><u>А. Мюрже.</u></p> <p>Богема. (Романъ.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осиновый колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.	Томъ 1-й.	8 одноактныхъ пьесъ.	Цѣна 2 р.
„	2-й.	Монологи и миниатюры для сцены.	Цѣна 2 р.
„	3-й.	Чортова дюжина (двѣнадцать пьесъ).	Цѣна 2 р.
„	4-й.	Бенгальскіе огни (пьесы и водевили).	Цѣна 2 р.
„	5-й.	Безъ суфлера (пьесы и монологи).	Цѣна 1 р. 50 к.
Тэффи.	1-й.	8 миниатюръ.	Цѣна 2 руб.
„	2-й.	Новыя миниатюры.	Цѣна 2 руб.

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й.	Ал. Гринъ.	Происшествіе въ улицѣ Пса.	Цѣна 50 к.
2-й.	Гр. Алексѣй Толстой.	Оріонъ.	Цѣна 50 к.
3-й.	Александръ Рославлевъ.	Князь изъ Альгамбры.	Цѣна 50 к.
4-й.	„	Записки полицейскаго пристава.	Цѣна 50 к.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

Спеціальные выпуски дешевой библіотеки „Новаго Сатирикона“:

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12,
Аркадій Аверченко.
№ 13 Тэффи,
№ 14 Г. Ландау,
№ 15 Аркадій Аверченко,
№ 16 О. Л. Д'Оръ.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и прочемъ такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Арк. Буховъ.

Двѣтокъ въ петлицѣ.

Тэффи.

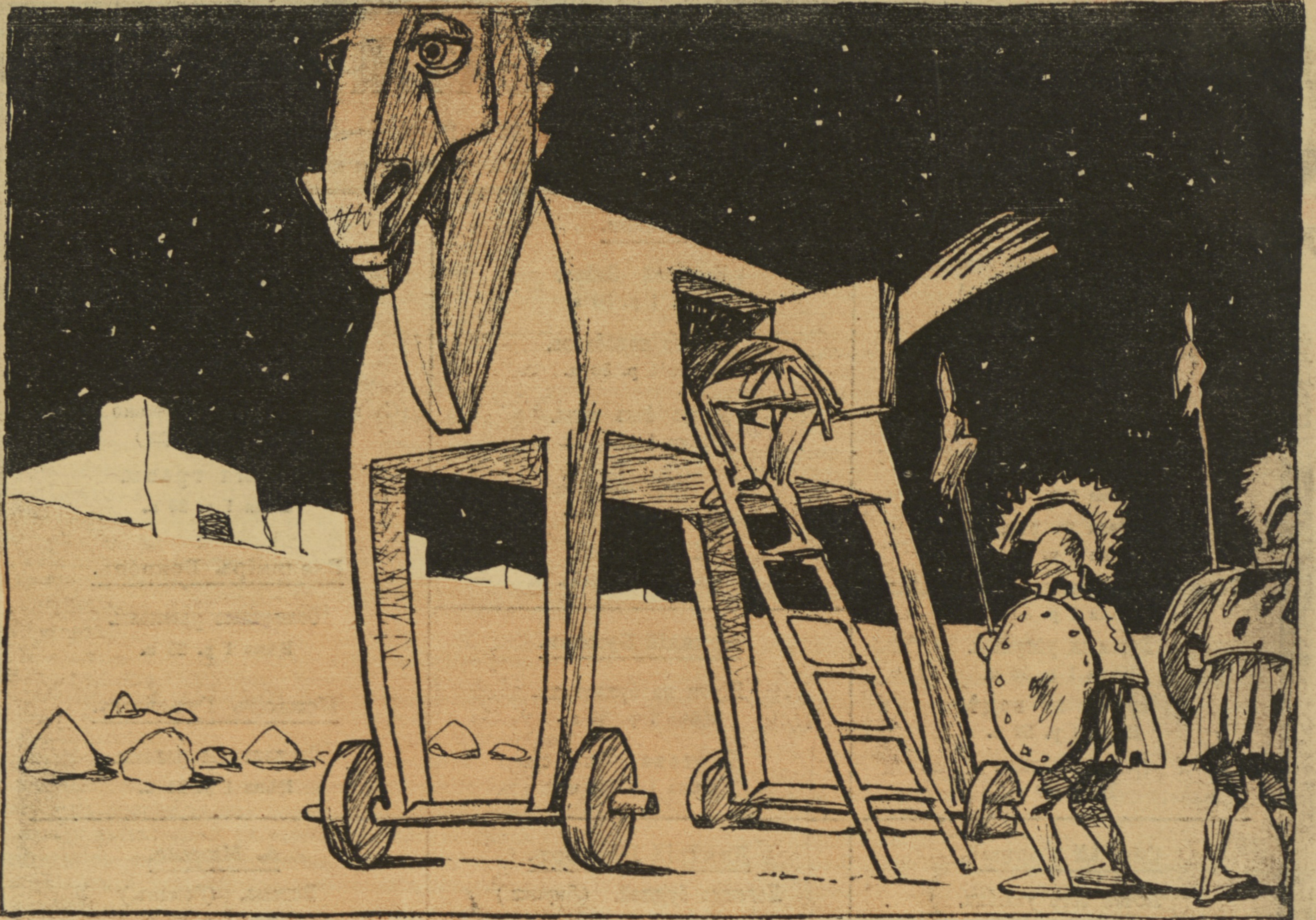
Зарево битвы.
Житѣе-бытѣе.

О. Л. Д'Оръ.

Проклятіе начавшимъ.

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Раньше „тroyанскій конь“ изготовлялся въ видѣ деревянной лошади, въ которую засовывали нѣсколькихъ воиновъ и, бросивъ это нехитрое сооруженіе у неприятельскихъ городскихъ стѣнъ, выжидали, пока осажденные враги сами втянутъ къ себѣ въ городъ загадочнаго коня.

Теперь „тroyанскій конь“ дѣлается германцами въ видѣ поѣзда, начиненнаго Ленинымъ. Поѣздъ подвѣзится къ самой русской границѣ, — послѣдующее (смотри въ античномъ мифѣ о Троянской войнѣ) — все дѣлается, какъ по-писанному.